

© 2006 г.

С.В. КАРДИНСКАЯ

ЭТНИЧНОСТЬ В ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ КОНСТРУКТАХ УДМУРТСКИХ СМИ

КАРДИНСКАЯ Светлана Владленовна - кандидат философских наук, доцент кафедры социологии Удмуртского государственного университета.

В статье речь пойдет о попытках удмуртских общественных организаций создать этноидеологические модели, направленные на этническую идентификацию удмуртов. В начале 1990-х годов были образованы ассоциация "Удмурт кенеш" - "Удмуртский совет" - (1991 г.), объединяющая 800 тыс. представителей удмуртского этноса, и молодежная организация "Шунды" - "Солнце" - (1990 г.), охватывающая 150 тыс. человек. Выступая за укрепление сплоченности, солидарности удмуртов, указанные организации обосновывали потребность в этом тем, что удмуртский этнос остается еще разобщенным, внутренне аморфным, с недостаточно развитым "этническим самосознанием". В данной ситуации в 1990-е гг. актуализировалась идея "*этнической мобилизации*", направленная на фиксацию специфической этнической идентичности удмуртов. Эта идея

стала оформляться в дискурсе общественных организаций, "подпитывающих" свою этноидеологию посредством попыток активизации коллективной субъектности удмуртского этноса.

Этническая идентичность удмуртов, в представлениях их организаций, оказывается скрытой под "чуждыми" этносу напластованиями - имеются в виду, как правило, влияния русскоязычной культуры, российской государственности, советской власти, вызвавшие нивелирование самобытности, универсализацию и этнический нигилизм. Эти наслоения, скрывающие этническую "сущность", способствовали забыванию народных "корней", языка, сведению на нет уникального опыта общинности, а также зарождавшейся у удмуртов в XVI в. государственности [см.; 1, 2]. Этноидеология упомянутых организаций предстает как средство "снятия" отмеченных "пластов" с целью "очищения" этнической сущности, изначальной "субстратности", составляющей этничность. Это предполагает построение "чистой" модели этноса, претендующей на представление его в качестве "действительности". Модель как бы замещает "действительность", в которой этничность обнаруживается только как "рассеянность".

С целью выявления механизмов конструирования этноидеологической модели был проведен контент-анализ публикаций печатного органа ассоциации "Удмурт кенеш"- ежесемесной газеты "Герд"¹ а также проинтервьюированы представители этой общественной организации и удмуртской молодежной организации "Шунды" (15 интервью). Примененный метод исследования позволил раскрыть различные аспекты этнической модели посредством обнаружения способов представления этнической проблематики в прессе, специфики этнических ценностей, особенностей суждений об этносе и о принадлежности к нему, показа этнического поведения, позитивных и негативных характеристик "своего" и "чужого" этносов и национальных общественных организаций. Единица счета - статья в периодическом издании; автором изучены публикации газеты "Герд" (2000-2004 гг.). Анализировались; тематика статьи, ее язык, характер (информационное сообщение или оценочное суждение), особенности "образа" этноса, ценности культуры этноса, география общения, связь национального сообщества с политическими и общественными организациями в России и за рубежом.

Контент-анализ выявил определенную направленность "Удмурт кенеш", презентующей себя в качестве общественной ассоциации *всех удмуртов* [1, с. 201], к самопредставлению как занимающей специфическое место, скорее, не в пространстве России, а в "финно-угорском мире" (среди публикаций "Герд" статьи о нем составляют 31%). "Финно-угорский мир" раскрывается в публикациях о культурных и научных событиях в *финно-угорских регионах России и зарубежья*, о конференциях, съездах, фольклорных фестивалях, визитах в Удмуртию венгерских, эстонских, финских ученых, писателей и общественных деятелей. Газета формирует образ финно-угорской "заграницы", создающей фонды, финансирующие сохранение финно-угорских языков, помощь писателям, ученым, а также организующие учебу удмуртских студентов за границей, конференции, симпозиумы, съезды, способствующие культурному обмену. Лингвисты из Венгрии, Финляндии и даже Франции отмечают богатство и красоту удмуртского языка, уникальность культуры, подчеркивают способность "малого" удмуртского народа противостоять глобализации, сохранив самобытность.

В публикациях создается привлекательный для "финно-угорского мира" образ удмуртского этноса, представленного на фольклорных фестивалях, конгрессах, организующего на своей территории съезды финно-угорских писателей, публикующего книги по истории и литературе, получающие положительные и даже восхищенные отзывы финских и венгерских экспертов. "Финно-угорский мир" оказывается комфортным для молодежи, школьников, которые приобщаются к истории и культуре финно-угорских народов посредством экспедиций, творческих лагерей, фестивалей. Таким образом, газетой формируется модель удобного и благоприятного для "малых" народов "мира", с которым связывается "будущее" и который имеет происхождение в "прошлом", соотносящимся с концептом "общей прародины" финно-угров. В одной из публикаций говорится о том, что именно территорию этой "прародины" и занимает современная Удмуртия. Поблизости находилась в "прошлом" и Magna Hungaria (Вели-

¹ Названа в честь удмуртского поэта Кузубая Герда (псевдоним, настоящее имя - Кузьма Чайников), репрессированного в 1930-е гг.

кая Венгрия). Создается впечатление изначальности существования "финно-угорского мира" и естественности "родственных" связей финно-угорских народов. Тем не менее, "финно-угорский мир" имеет недавнюю историю (с 1992 г.) [1 с. 190], и в его основании находится научный концепт общности финно-угорских языков. Его становлению во многом способствовало именно удмуртское национальное движение (1 Всероссийский конгресс финно-угорских народов проходил в Ижевске в 1992 г.).

Ориентация удмуртских общественных организаций на финно-угорскую общность определила специфику "этнической мобилизации" в Удмуртии, происходящей в обстановке, когда удмуртский этнос не является еще субъектом собственного становления. В публикациях, посвященных теме государственности Удмуртии (16 сообщений), часто присутствует мысль о том, что удмурты "не успели" развить свою государственность, хотя для этого были все основания (арские князья). В связи с "истреблением" верхушки удмуртского общества в XVI веке, этнос вынужден находится с тех пор на периферии российского мира. Такие же финно-угорские народы, как финны и венгры, долгое время находились на периферии европейского мира и входили в состав различных государств, однако успешно построили свою "этнонациональную" идентичность.

Эта "общность судьбы" определила выбор финно-угорской модели идентификации, охотно предоставляемой "успешными" финнами, эстонцами и венграми; "Финляндия, а также Венгрия и Эстония должны стать активной, ведущей силой возрождения финно-угорских народов... Это поможет создать финно-угорский мир, общее финно-угорское пространство. Финляндии тоже сейчас нужны эти связи. Их укрепление придаст нам больше сил бороться против того, чтобы Брюссель не стал для Европы таким, как была Москва для СССР и соцлагеря. Чтобы Брюссель не давал нам указания и директивы, и мы, финны, опираясь на наши корни, могли развивать это финно-угорское братство..." [1, с. 553]. Представители Венгрии на III Всемирном финно-угорском конгрессе высказались о том, что "финно-уграм России необходимо начать свое национальное движение с языковой автономии, а затем, когда-нибудь финно-угорские народы приобретут свою государственность. Венгры, со своей стороны, готовы предоставить образцы решения некоторых проблем" [3].

Модель идентификации могла быть и иной. Так, публикации о I Всероссийском съезде удмуртов (1918 г.), провозгласившем автономию Удмуртии, сообщают о желании удмуртских делегатов объединиться в одну республику с русскими, а не с татарами и башкирами (в этот период создавалась Татаро-Башкирская республика), поскольку "свет просвещения исходит от русских" [4]. Как свидетельствуют публикации о первых удмуртских съездах, идея солидарности с финнами и венграми и создания "финно-угорского мира" не возникла, вероятно, в связи с тем, что делегаты этих съездов не были знакомы с концептом языкового родства; делегаты же удмуртских съездов 1990-х годов частично состояли из историков и финно-угорских филологов, для которых этот концепт являлся "естественной реальностью".

Так, будучи конструктом лингвистической науки, концепт "финно-угорского мира" становится основой организации этнической "действительности". *Воображаемое общество* "финно-угорского мира" "затвердевает", обретает объективность в документах финно-угорских конгрессов, резолюциях ООН и ЮНЕСКО, с которыми начинают поддерживать активные контакты финно-угорские организации.

Контент-анализ показал, что *основная масса публикации "Герд" о "финно-угорском мире"* посвящена проблемам принятия документов о правах "коренных" народов, закрепления статуса Всероссийского съезда удмуртов (и других финно-угорских этносов), принятия свода нормативных и законодательных актов, защищающих "коренной" народ от "внешнего и внутреннего агрессивного воздействия". Практически в каждой публикации, характеризующей положение финно-угорских народов, оно определяется как "катастрофическое", требующее принятия незамедлительных мер. Поворот от России к "финно-угорскому миру" объясняется делегатами финно-угорских конгрессов тем, что удмуртский этнос в составе России "не стал субъектом права", произошло "отстранение коренных народов финно-угорских республик от политической власти, отторжение от экономических рычагов управления", "распределяются земли коренных народов в частное владение". Вывод категоричен: "если в ближайшее время не будет изменена Конституция Российской Федерации и утверждены нормативные акты по защите малочисленных народов, то будущее исчезновение финно-угорских народов с лица земли избежать невозможно" [5].

Логика высказываний, преобладающих на финно-угорских конгрессах и в еще более радикальной форме повторяющихся на Всероссийских съездах удмуртов, подразумевает, что власть в руках представителей "коренных" народов является панацеей в деле спасения и сохранения финно-угорских народов, находящихся в "катастрофическом" состоянии. То есть сложная конструкция "финно-угорского мира", подразумевающая длительные связи, "прародину", "родственные узы" народов, языковое единство и т.п. оказывается лишь комплексом идей, необходимых для обоснования легитимности власти, основанной на процедурах "коллективной правосубъектности", предполагающих, что "права этнических меньшинств не могут быть должным образом обеспечены только в рамках индивидуальных гражданских прав". Но такая "коллективная правосубъектность" означает *подмену этнической реальности этноидеологической моделью* и использование этничности в качестве ресурса власти, осуществления "символического принуждения" этноса, многие представители которого даже не знают о существовании "финно-угорского мира" и организации "Удмурт кенеш".

Финно-угорское единство предполагает объединение именно "народов", а не индивидов и не всего человечества. Концепт "народа" ("малого", "уникального", "меньшинства") находится в основании финно-угорской идеи. Достаточно большое количество публикаций (23% о проблемах деревни создает образ "народа", укорененного на "земле". Такой "народ" не испорчен цивилизацией, для него ценностью является "земля" и "община". В образе "народа", формируемом публикациями, подчеркивается "коллективизм" удмуртов, подразумевающий, что "естественное" состояние удмуртского этноса - это сплоченная общинность, являющаяся жизненной необходимостью в условиях этнического "меньшинства". Тема "родственности", "рода", "народа" способствует преобладанию в публикациях идеи "коренного народа", неотделимого от "земли" Удмуртии. Проводится мысль, что для "народа" будет "катастрофой" приватизация "родной земли" и ее продажа. Всяческие рыночные отношения в деревне могут привести к гибели этноса (в нескольких публикациях употребляется понятие "геноцид"). Такое понимание "народа" способствует также формированию модели "коллективной идентичности", "общинности", претендующей на закрепление особой государственности и коллективных прав.

Немногочисленные (9%), приходящиеся на предвыборные периоды публикации "Герда" на политические темы отмечают общую "аполитичность удмуртов", их "собственную недооценку", "неверие в то, что участие в высших органах власти избранных ими представителей может привести к каким-то улучшениям". В публикациях анализируется сложившаяся ситуация и делается вывод о том, что ее истоки необходимо искать в "прошлом", она сложилась в годы "угнетенного положения удмуртского народа - поголовно безграмотного, забитого". Эта ситуация была осложнена тем, что концентрация производства на территории Удмуртии в советский и постсоветский периоды притягивала специалистов со всех концов страны и обеспечивала преобладание русского языка как языка общения, вытеснив удмуртский язык в сельскую местность. В результате, "у удмуртов появилось чувство неполноценности, второсортности, также "был выкошен (в годы репрессий) пласт наиболее смелой и боевитой части удмуртской интеллигенции...".

Публикации на указанную тематику создают образ "народа", нуждающегося в защите, в особых правах, компенсирующих потери от "колонизации" и "репрессий". Они, в определенной мере, отражают эмоциональный тон тех дискуссий, которые разворачивались на удмуртских съездах в 1990-е годы. В документах этих съездов выдвигались идеи, например, о создании профессионального двухпалатного парламента, одна из палат которого полностью состояла бы из депутатов коренного народа; об учреждении поста всенародно избираемого президента, владеющего удмуртским и русским языками; о введении квоты представителей удмуртов в высшем республиканском органе власти, возрождении органов общинного самоуправления удмуртского народа и др. [1 с. 112, 114, 247-248].

Так этноидеологический образ "народа" - *воображаемое сообщество*, представленное как "дискриминируемое", - становится основанием для принятия политических решений, *способствующих преобразованию фантома идеологемы во все более уплотняющуюся "действительность"*. Результат дискуссий, *дискурсивный конструкт пытается подменить собой зыбкую и аморфную этническую реальность*, о которой

невозможно сказать "как она есть" без такой более реальной, чем сама эта реальность этноидеологической модели.

Для того, чтобы исчезли всякие сомнения по поводу "действительности", "создаваемой" этноидеологией этничности, пресса общественной организации формирует мнения о "типичных" представителях этноса, реальных "носителях" этнической культуры. Материалы о них составляют около 20% сообщений газеты "Герд". "Типичные" обозначаются посредством *набора стереотипных суждений*, в различных вариантах присутствующих во всех "жизнеописаниях" (приуроченных обычно к юбилейным датам). Так, в биографиях известных поэтов и писателей повторяется один и тот же образ "удмурта" - выходца из крестьянской семьи, благодаря образованию ставшего известным, внесшим вклад в развитие удмуртской культуры. Несмотря на отсутствие каких-либо оценочных суждений и упоминание этнических "черт характера", можно проинтерпретировать представленные в публикациях образы как некоторую идеализацию "прошлого". В статьях газеты идет речь о современном состоянии этноса только как о результате "прошлого" удмуртов, которое необходимо сохранять, бережно к нему относиться. *Этничность предстает как "мемориальность", ее "настоящее" оказывается постоянным обращением к "прошлому", его реконструкцией.* Пропагандируется также образ удмуртского этноса, имеющего "крестьянскую культуру", "привязанность к семье, родному краю". Такие обобщенные конструкты удмуртской этничности приобретают реальность в результате многочисленных публикаций о земляках, каким-либо способом прославивших родную республику.

С образом особого "народа" - финно-угорского, скрывающего в себе "жизненную энергию" нерастрченных сил - связано преобладание (около 50%) публикаций "Герда" о фольклорных фестивалях, праздниках, соотнесенных с языческими традициями, создающими представление о "духе этноса". Специфическая "духовность", проявляющаяся в традиционном искусстве, литературе, поэзии удмуртов, подразумевает существование неких неиспользованных ресурсов, сосредоточенных в скрытой "природе" этничности, которые ждут своего воплощения. Черпающие свою "жизненную энергию" в языческой культуре "прошлого" "духовные ресурсы" как бы пока откладываются на "будущее", подразумевая скорое наступление момента раскрытия веками накопленных сил "народа".

Сюжетов, связанных с выступлениями фольклорных коллективов, театров, фестивалей, проходящими на удмуртском языке, особенно много в публикациях, посвященных удмуртской "диаспоре"¹ в Татарстане, Башкортостане, Пермской области. "Диаспора" оказывается плотно охваченной деятельностью общественных организаций, она особо контролируется как нуждающаяся в "помощи". В публикациях сообщается о высоком уровне знания удмуртами "диаспоры" родного языка и традиций, вовлеченности их в обрядность. Тем не менее, им оказывается "помощь" общественных организаций Удмуртии в изучении языка и проведении фольклорных мероприятий, что позволяет этим организациям укрепляться там в качестве социального института. Многочисленные публикации "Герда" о развитии этнической культуры формируют представление о литературных успехах этноса (конференции удмуртских и финно-угорских литераторов, издание новых книг, фестивали поэзии, исследования в области мифологии и фольклора), глубоких исследованиях удмуртских этнологов, широком распространении фольклорного искусства, народных ремесел, художественных промыслов, а также становлении "национального" образования. Такие публикации, представленные не столько в форме оценивающих суждений, сколько в виде констатации фактов, простой информации, создают впечатление существенного роста "национального самосознания" удмуртов.

Однако встречаются и иные, совершенно противоположные сообщения (около 7% от общего количества публикаций), информирующие о том, что "сокращается из года в год объем изданий на удмуртском языке"; "в Удмуртии мало писателей, которые могли бы жить за счет своего литературного труда"; "все меньшее количество детей изучает удмуртский язык"; "среди удмуртов распространяется этнический нигилизм"; "удмурты стесняются своего происхождения"; "удмуртский язык практически не слышен в городе"; "в селе - неустроенность, бесхозьяйственность, пьянство, лень, безынициативность, воровство, зависть, суицид, низкий уровень культуры и образования".

Ассоциация "Удмурт кенеш" через свою газету выступает за принятие мер, направленных на решение этих проблем. Наиболее радикальные идеи по этому поводу и

предложения оформляются как "письма читателей" и содержат многочисленные вопросы, например: почему в Ижевске радиостанции практически не осуществляют вещания на удмуртском языке, сокращаются удмуртские передачи на телевидении; до сих пор не построено здание удмуртской гимназии в Ижевске; нет специальных магазинов для продажи книг и кассет на удмуртском языке; не проявляется политическая инициатива народа; нет гордости за свою национальную принадлежность; мало удмуртов в органах власти. Как правило, "письма читателей" характеризуют "взгляд" на ситуацию в Удмуртии "со стороны" - из Тюменской области, Екатеринбурга, Омска, Эстонии. То есть, этническая "действительность" как бы раскрывается "взгляду другого", неинтегрированного в эту "действительность" "наблюдателя". Те недостатки, которые выявляют "наблюдатели", обнаруживают новое пространство для деятельности общественной организации, функционирующей как институт "защиты" и "помощи". Это дает новый импульс разворачиванию этноидеологии, охвату ею все новых и новых сфер бытия народа.

В своем пределе этноидеология стремится к поглощению всей этнической "действительности", к совпадению конструируемой ею модели с существованием этноса. Ассоциация "Удмурт кенеш", провозгласив себя представителем "всего удмуртского народа", распространяет влияние на разные слои населения - женщин (функционирует организация женщин Удмуртии), молодежь (молодежная организация "Шунды"), при ассоциации существуют структуры, контролирующие культуру (фольклор), образование ("национальные" классы и школы), литературу (организация конгрессов удмуртских писателей, фестивалей и т.д.). Организация занимается социально-экономической деятельностью (попытка создания предприятий, удмуртского банка), политической (создание ячеек в деревнях, агитация за удмуртских представителей во время предвыборных кампаний, предложение законов, проведение политических мероприятий). Таким образом, общественная организация пытается подчинить своему контролю все аспекты социального существования.

Но акции по преобразованию "действительности" неизбежно приводят к столкновению с этой "действительностью". В этой ситуации этноидеология и обнаруживает свою парадоксальность (превращение модели, которую она конструирует, в некую антимодель). Заметны существенные расхождения между этноидеологическими конструкциями и реальным запросом этноса. Так, в сообщениях о деятельности общественных организаций присутствует информация об увеличении (благодаря "Удмурт кенеш" и министерства образования) удмуртских школ как в селе, так и в городах. Их уже около 400, и открываются все новые. Однако лишь 38% детей-удмуртов изучают удмуртский язык; в классах лишь 14-16 учащихся, а в некоторых - всего 8 учеников. Нежелание детей и их родителей изучать удмуртский язык ставит под угрозу сам концепт развития "национального" образования. В ряде публикаций отмечается также нежелание сельских жителей открывать сельские "советы" (филиалы "Удмурт кенеш" на местах), вступать в ряды различных общественных организаций, поддерживать делегатов, за которых агитирует "Удмурт кенеш" на выборах в органы государственной власти. Неудачи политической деятельности характеризуются в прессе как "полный провал" работы этой ассоциации по избранию депутатов-удмуртов. Их число неуклонно уменьшается от выборов к выборам в Госсовет Удмуртской Республики (1990-1995 гг. - 26%, 1995-1999 гг. - 18%, 1999-2000 гг. - 11%).

Как видим, "система этничности", сконструированная этноидеологией, неизбежно дает сбой, так как этничность не может "функционировать" по принципу "другого" - выстраивающего ее модель, она существует так, как существует. Но этноидеология "не видит" в собственном отражении себя, выдавая свой образ за непосредственную "действительность". Вся "деятельность" общественной организации замыкается на своем собственном дискурсивном пространстве моделей, программ, резолюций и публикаций, число которых растет.

Как представляется, общественная организация, формирующая пространство этноидеологии, оказывается ни чем иным, как особым "этническим предприятием", позволяющим своим участникам получать экономические или политические "дивиденды" - привлекать финансирование (государственное или финско-венгерско-эстонское) к каким-либо коллективным проектам, получать известность посредством освещающих этноидеологическую деятельность СМИ, участвовать в политических мероприятиях и т.д. Деятельность таких организаций, следовательно, становится "проектом".

"Проектность" как принцип существования общественных организаций можно рассмотреть на примере молодежной организации "Шунды", используя интервью ее представителей. По их мнению, деятельность "Шунды" направлена, прежде всего, на решение общемолодежных проблем: "Мы привлекаем молодежь организацией активного отдыха - это лагеря, туристические фестивали, проводим молодежные дискотеки и национальные вечера. Мы поддержали некоторые творческие коллективы, молодых писателей. У нас есть экологическое направление, программа "молодая семья"... Мы и с политическими партиями, в принципе, сотрудничаем". По словам активистов, в современный период ставится задача "работать без надрыва, без истерик, без экстремизма, который можно было бы использовать и сказать: нас "зажимают", нам не помогают.... Мы пытаемся принять те условия, которые есть сейчас для всех организаций" не выделяясь ни в чем, и работать в такой конкурентной среде...".

Работать "без надрыва" - это, по мнению лидеров организации, *осуществлять "проекты": "Шундыкар" ("Город солнца") - летний лагерь для одаренных детей; программу "Лулчеберет" ("Красота души"), включающую республиканские семинары творческой молодежи, этнофутуристические выставки, фольклорно-этнографические праздники, дни удмуртской молодежи в регионах, совместные мероприятия с другими молодежными объединениями; программы "Молодые фермеры", "Информационное обеспечение организации" и т.д. "Шунды" способствует сохранению удмуртского языка, однако лидеры организации говорят о том, что они не могут судить об актуальности удмуртского языка и культуры в настоящий момент: "В данном случае мы стараемся жить сегодняшним днем, поэтому то, что мы сейчас выбираем - это наша точка зрения, а те, кто придет после нас, - пусть выбирают уже что-то другое".*

Из сказанного следует, что организация занимается множеством проектов. *Деятельность как "проект", безусловно, предполагает некую "будущую" "действительность", однако для такой деятельности не важно, насколько существенным оказывается для "действительности" этот "проект". "Проекты" осуществляются для того, чтобы возникали новые "проекты", за которыми сама "действительность" становится и не столь существенной. Увлечение процессом "проектирования" приводит к потере "чувства реальности", позволяющего проводить различие между сферой этнической дискурсивности (реальностью языкового конструирования) и сферой "действительности". Столкновение этноидеологии с "действительностью" обнаруживает их несоответствие, отбрасывая этноидеологию в сферу своего реального существования - в пространство языкового конструирования.*

В заключение подчеркнем: судя по прессе удмуртских общественных организаций, ей удается, обобщая и систематизируя стереотипные высказывания, создать пространство актуализации образа этничности. Но это пространство оказывается "пустым", обнаруживая "нехватку" этничности и потребность ее восполнения посредством непрерывного "говорения" о ней. СМИ, пытаясь представить этнос в его повседневной типичности, в его "естественном" существовании, выявляют нефиксируемость "настоящей" этничности, постоянно ускользающей в "прошлое". Этничность обнаруживает свою нереальность, отсутствие действительности и оказывается парадоксальной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Смирнова С.К., Губогло М.Н. и др. Феномен Удмуртии. Т. 3. Идеология и технологи этнической мобилизации. Кн. 2. Удмуртское национальное движение и финно-угорское сообщество. М. - Ижевск: Удмуртия, 2003.
2. Владыкин В. Е. О традиционной толерантности удмуртов // Герд 2003 №2 С. 3, 190.
3. Герд. 2001. 29 января, С. 4.
4. От Прикамской губернии к республике // Герд. 2003. № 6 С. 3
5. Герд. 2001. № 1-2. С. 3.